
Источник: Евгений Замятин. Избранное, М: Правда, 1989.
ОСР В. Есаулов, февраль 2005 г.

Люто замороженный, Петербург горел и бредил. Было ясно: невидимые за туманной занавесью, поскрипывая, пошаркивая, на цыпочках бредут вон желтые и красные колонны, шпильки и седые решетки. Горячее, небывалое, ледяное солнце в тумане - слева, справа, сверху, внизу - голубь над загоревшимся домом. Из бредового, туманного мира выныривали в земной мир драконо-люди, изрыгали туман, слышимый в туманном мире как слова, но здесь - белые, круглые дымки; выныривали и тонули в тумане. И со скрежетом неслись в неизвестное вон из земного мира трамвай.

На трамвайной площадке временно существовал дракон с винтовкой, несясь в неизвестное. Картуз налезал на нос и, конечно, проглотил бы голову дракона, если бы не уши: на оттопыренных ушах картуз засел. Шинель болталась до полу; рукава свисали; носки сапог загибались кверху - пустые. И дыра в тумане: рот.

Это было уже в соскочившем, несущемся мире, и здесь изрыгаемый драконом лютый туман был видим и слышим:

- ...Веду его: морда интеллигентная - просто глядеть противно. И еще разговаривает, стервь, а? Разговаривает!

-- Ну, и что же - довел?

- Довел: без пересадки - в Царствие Небесное. Штыком.

Дыра в тумане заросла: был только пустой картуз, пустые сапоги, пустая шинель. Скрежетал и несясь вон из мира трамвай.

И вдруг - из пустых рукавов - из глубины - выросли красные, драконьи лапы. Пустая шинель присела к полу - и в лапах серенькое, холодное, материализованное из лютого тумана.

- Мать ты моя! Воробьеньш замерз, а! Ну скажи ты на милость!

Дракон сбил назад картуз - и в тумане два глаза - две щелочки из бредового в человеческий мир.

Дракон изо всех сил дул ртом в красные лапы, и это были, явно, слова воробьеньшу, но их - в бредовом мире - не было слышно. Скрежетал трамвай.

- Стервь этакая; будто трепыхнулся, а? Нет еще?

А ведь отойдет, ей-бо... Ну скажи ты!

Изо всех сил дунул. Винтовка валялась на полу. И в предписанный судьбою момент, в предписанной точке пространства серый воробьеньш дрыгнул, еще дрыгнул - и спорхнул с красных драконьих лап в неизвестное.

Дракон оскалил до ушей туманно-полыхающую пасть. Медленно картузом захлопнулись щелочки в человеческий мир. Картуз осел на оттопыренных ушах. Проводник в Царствие Небесное поднял винтовку.

Скрежетал зубами и несясь в неизвестное, вон из человеческого мира, трамвай.